Сергей Фурсов

Тьма между мирами

Дэвид сидел на доске, обняв свои колени, по его щекам текли слёзы. Через ткань, которой он был накрыт, просвечивался окружающий мир – пока ещё совершенно привычный, не мучительно желанный и сказочно прекрасный. Дэвид закрыл глаза. Он знал, что фокус закончится плохо так же точно, как если бы брат вывел его не на сцену, а на эшафот. Несмотря на надпись на коробке, уверяющую, что безопасность для юных чародеев гарантирована. Будь Дэвид постарше, он мог бы подумать о том, что о безопасности кроликов никто не думает.

Послышался звук «хумммм», платформа под мальчиком дрогнула, в ушах зазвенели колокольчики и свет, проникавший сквозь веки, погас. Из жаркого, солнечного июля 1988 года четырёхлетний Дэвид попал в холодную, непроглядную тьму, никак не связанную с течением времени. Он чувствовал себя так, будто кадык собирался вывести внутренности наружу, из глаз текли слёзы страха, обиды и боли. Кусок яблочного пирога и стакан апельсинового сока подали прошение о досрочном освобождении и Дэвид не нашёл в себе сил им отказать. На короткое время мальчик потерял сознание. Если бы холод не привёл его в чувства так быстро, вскоре мальчик был бы уже дома. Если бы он вернулся на то самое место, на котором очутился в этом мире, спустя несколько минут он был бы на залитом солнце дворе и владел бы всеми игрушками брата, даже хрустальным шаром. Но Дэвид Браун, очнувшись, упёрся ладошкой в свой недавний завтрак и с отвращением отполз от него.

Маленький Дэвид, с трудом сдерживая рвущийся наружу плач, огляделся вокруг, вытирая набухшие на глазах слёзы. Ничего, абсолютная темнота. Воображение рисовало в ней скрюченные пальцы, когти которых были в нескольких дюймах от его спины – стоит только пошевелиться, чтобы задеть их, и тогда монстрам уже не будет интереса тихо прятаться за спиной. Казалось, мозгу, который как мог восполнял дефицит информации, попадались под «руку» только иллюстрации к романам ужасов. Темнота кишела неуловимыми движениями на периферии взгляда и еле слышимыми шорохами. Дэвид хотел позвать своего брата, но приходил в ужас от мысли, какие существа, ещё не заметившие его, могут сбежаться на звук голоса. Уголки его губ сползли вниз, нижняя губа задрожала и Дэвид, снова обняв руками колени, прижался к ним лицом и заплакал. Тихо, без единого звука. Потому что монстры очень любят, когда плачут маленькие мальчики. Они выходят из темноты на звук их рыданий. Они облизываются, когда видят, как капают слёзы. В темноте от них некуда деться, так же, как в открытом море не спрятаться от акул.

Когда мальчик снова, вытерев с лица слёзы, огляделся вокруг, он увидел большие чёрные камни на чёрном фоне. Они выделялись, словно второй слой чёрной краски на уже чёрной стене. Дэвид подумал, что попал в тот мир, откуда монстры выползают под кровати и откуда попадают в шкафы. Он вспомнил яркий солнечный день, маму и папу, сидящих перед импровизированной сценой на

складных стульях. И брата, ведущего его на сцену. Брата, который просил испуганного Дэвида улыбнуться зрителям. Дэвид любил своего брата, он боготворил его. Он не мог не послушаться. Губа снова задрожала, а глаза стали влажными.

- Хилли, я хочу домой, - шёпотом сказал Дэвид. – Хилли, пожалуйста.

Один из камней вдруг шевельнулся, в темноте показалось два красных огонька, похожих на тлеющие угольки сигарет, на мгновение исчезли, снова загорелись и уплыли в сторону. Малыш встал, дрожа всем телом от холода и страха. На синих штанишках расплылось тёмное пятно. Глаза расширились, а маленькое сердце билось внутри с неожиданной силой. Совсем рядом с ним послышался стук камня о камень. Дэвид вздрогнул и, повернувшись лицом в направлении звука, попятился назад. Пальцы левой руки он зажал в кулачке правой.

Прошлой весной Дэвиду несколько дней подряд снился один и тот же сон – пока огромная лиса держала его за руку зубами, такой же большой волк ел его маму. Это был детский кошмар – бескровный, без кусков плоти, торчащих из зубов, но с лихвой компенсировавший это ужасом, усиленным детским восприятием. Дэвид рассказывал о кошмарах маме, и та укладывала его рядом с собой, но сны продолжались. Однажды мама перед сном дала Дэвиду игрушечный пистолет и сказала, чтобы он убил волка и лису, если те снова появятся, и малыш заснул с улыбкой на лице и пистолетом под подушкой. С той ночи кошмары оставили его.

До этого дня. Из темноты, плавно переставляя огромные лапы с внушительными когтями, вышел волк и уставился на мальчика немигающим взглядом красных угольков своих глаз. Дэвид уже привык к темноте и мог разглядеть слипшуюся шерсть зверя, его медленно поднимающиеся и опускающиеся бока и даже тягучую слюну, свисавшую из его пасти. Это был тот самый волк, которого прогнал Дэвид. Он был в этом уверен. Только теперь пистолета не было. Волк облизался неестественно длинным языком, роняя слюну.

- Хилли, пожалуйста… - Пробормотал срывающимся звонким голосом малыш.

Верхняя губа зверя приподнялась, обнажая длинные клыки, уши прижались к черепу, он, оставаясь тем не менее выше Дэвида, припал к земле, но вопреки ожиданию стал пятиться, гулко рыча, затем развернулся и исчез в темноте.

Дэвид сделал ещё пару шагов назад и во что-то упёрся. На плечо ему легла рука, и сердце чуть не взорвалось. Он замер, будто один из многочисленных камней вокруг.

- Больше нечего волноваться, малыш. Собачка убежала. Как тебя зовут? – Сказал голос за его спиной.

- Мама не разрешает мне разговаривать с незнакомцами, - ответил малыш и развернулся лицом к говорившему. Это был высокий человек в чёрном костюме-тройке, с чёрным плащом, висящим на руке, и в чёрной шляпе, поля которой полностью скрывали его лицо. Это был человек-силуэт, будто вырезанный из чёрной бумаги.

- Похвально, что ты не забываешь об этом даже вдали от дома. – По голосу чувствовалось, что человек улыбается. – Но разве ты не можешь говорить с незнакомыми, когда потерялся? Ты же потерялся?

- Да. Я хочу домой.

- Конечно. Так как тебя зовут?

- Дэвид Джонотан Браун, я из Хэйвена. А вас, мистер? – Рядом с человеком он почти совсем успокоился.

- Рэнделл. Я пришёл издалека. Точнее меня прогнали – некоторые люди совсем не понимают шуток. – Человек взял Дэвида за руку. – Пойдем, прогуляемся. Тут очень трудно найти собеседника, а мне ещё предстоит побыть здесь некоторое время.

- Вы плохо себя вели, мистер? Поэтому вас прогнали?

- Нет, не я. Капитан Шустрик плохо себя вёл. А я просто дурачился. Ты бы видел, какой фейерверк они устроили мне на прощанье!

- Как на четвёртое июля?

- Красивее! Гораздо красивее! Фейерверк в День Независимости – всё равно что бенгальский огонь по сравнению с устроенным для меня.

Они шли, держась за руки, маленький мальчик в синих штанишках и майке с надписью «ОНИ ЗОВУТ МЕНЯ ДОКТОР ЛАВ», и высокий мужчина, одетый во всё чёрное в чёрном мире. Некие существа, шипя или рыча, периодически прятались за камнями, заметив их приближение, и Дэвид крепче сжимал руку Рэнделла.

- Где мы, мистер Рэнделл? Тут прячутся чудовища?

- О, да. Это их дом. Можешь звать это место Альтаир-4, Чистилище или Тодэш.

- Как вы здесь оказались? Вы боитесь монстров? Меня мой брат перенёс, он фокусник! – С гордостью за брата сказал Дэвид. – Вы любите фокусы?

- Друзья черномазой шлюшки забросили меня сюда! – Голос человека изменился, в глазах блеснул оранжевый огонёк. На секунду Дэвиду показалось, что Рэнделл гораздо страшнее существ в темноте. – Но я не в обиде – мы хорошо провели время. – Голос снова стал спокойным, даже немного весёлым. – Нет, я не боюсь монстров, и, пока ты со мной, тебе тоже не стоит. И да, я просто обожаю фокусы. Собственно, это моё хобби – я много путешествую и устраиваю разные фокусы.

- Когда мы пойдём домой? Хилли наверняка ищет меня. И я описался. – Последнюю фразу Дэвид сказал почти шёпотом себе под нос.

- Бог мой, сколько вопросов! Кажется, я понимаю, почему брат забросил тебя сюда. Скоро. Мне нужно набраться здесь сил, чтобы отправиться дальше, и ты мне в этом поможешь. – Человек в чёрном украдкой посмотрел на Дэвида, в его глазах горел тусклый оранжевый огонёк.

Дэвид хотел поудобнее взяться за руку Рэнделла и нащупал длинные, шершавые когти. Он резко выдернул свою ладошку и, отойдя на шаг, спрятал обе руки за спиной.

- Ты тоже чудовище!

- Молодец. Твой брат смог бы гордиться тобой. – Рэнделл присел перед Дэвидом на корточки, сложив у себя на коленях плащ. Огонь в глазах стал ярче. Когда он говорил, в глотке слабо отсвечивало оранжевым, будто его нутро пылало, словно печь. – Мне действительно жаль расставаться с тобой – одному здесь достаточно скучно, но мой аппетит жутко разгорелся, а других вкусняшек я здесь не вижу. От местных обитателей у меня уже изжога, к тому же они не так вкусно боятся. – Человек в чёрном

пожал плечами и улыбнулся, показав два ряда острых зубов, позади которых переливались отблески пламени. Он будто горел изнутри. – Сначала я откушу кусочек твоих ягодиц: боль и страх – это как соль и специи, так станет только вкуснее, – добавил он мечтательно.

Человек в чёрном прикрыл глаза, откинул голову и облизал губы чёрным, потрескавшимся, совершенно сухим языком. Сквозь веки и щёки проникал свет, как просвечивает рука от мощного фонарика, прислонённого к ладони. Дэвид сложил пальцы пистолетом и направил на Рэнделла.

- Ты просто страшный сон, - сказал он и сделал вид, что выстрелил.

Рэнделл взглянул на него. Казалось, что вместо глаз у него два раскалённых до бела шара. Он улыбнулся неестественно широкой улыбкой и протянул когтистую руку к горлу малыша.

- Начинай кричать, мой пирожочек, - сказал Рэнделл глухим, низким голосом.

Перед глазами Дэвида полыхнула яркая зелёная вспышка, будто издалека донёсся слабый звон колокольчиков и в следующий момент мальчик оказался стоящим в больничной палате, где на одной из коек кто-то лежал. Дэвид, щурясь от яркого света, заливавшего комнату, вглядывался в спящего человека. Это был Хилли – его обожаемый брат. Из глаз Дэвида потекли слёзы, но он улыбался. Взобравшись на кровать, Дэвид устроился под боком брата и уткнулся в него лицом.

Хилли Браун открыл глаза.

- Дэвид?

- Заткнись, Хилли, я сплю.

Сергей Фурсов, 2012